

Ник. Ефим. Олейников
Устьянские рассказы

Из жизни севера Якутской области

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проводник	2
Полечился	7
Горе Корнишки	8
До заутрени	11
Егорчан Шаман	14
Тангара Таба	16
Операция	19
Человек с Солурдаха	20
По дороге	24
Ергиз и Анка	26

Вместо предисловия

В 1910 году по предписанию Якутского губернатора г. Крафта я был выслан из Якутска в Булун Верхоянского округа. По малочисленности населения, и в особенности зимою, когда всё население Булуна — купечество разъезжается по тундре с торговлей, а большей частью переезжает со своими семьями к северо-востоку от Булуна в Усгьянск-Казачье, Булун не представляет возможности материально быть обеспеченным хотя бы на день текущий, то я воспользовавшись правом ссыльного передвижения по округу в поисках заработка, переехал в Усгьянск. В Усгьянске я прожил две зимы и занимаясь медицинской практикою, имел возможность ознакомиться с некоторыми бытовыми условиями жителей крайнего севера — туземцев якутов и тунгусов.

Цель моих рассказов дать хотя бы небольшое представление в беллетристической форме о быте и жизни этих жителей заполярной области. Но не обладая ещё навыком пера я прошу к себе снисхождения у читателей и в особенности к моей форме изложения рассказов.

Кстати, считаю уместным ознакомить читателя, что все жители Устьянского улуса, живя в тундре, занимаются главным образом, промыслом пушного зверя, добычей мамонтовой кости и подсобным оленеводством и рыболовством, причём оленеводство в последние годы, годы развития торговли на севере, начало быстро развиваться, и число оленей в Устьянском улусе стало увеличиваться, так как торговля повела за собою появление извозного промысла. Всё население расселилось по тундре так редко, что юрта от юрты часто отстоят на десятки, а иногда на сотни вёрст. Причём обычно в юрте живёт лишь одна семья и очень редко две-три семьи.

Инородцы севера пока ещё более патриархальны, чем инородцы ближайших к Якутску округов и далеко менее затронуты культурой. Хотя первоначальные «прелести» культуры: карты, спирт и венерические заболевания уже осели среди северных инородцев прочно и успели положить на туземцев свой непривлекательный отпечаток. Школы на севере почти отсутствуют (если конечно, не считать двух школ церковно-приходских, числящихся только в бумагах Якутской Духовной консистории, а фактически не существующих), и среди инородцев нет ни одного грамотного. Полная темнота и полное невежество ещё надолго будут воцаряться на севере и держать в своей кабале инородцев.

И вот в таких случаях невольно берёшься за перо и пишешь о севере, как умеешь излагать свои мысли.

П. Е. Олейников

Проводник

Рано зимою начинаются вечера в Устьянске.

Север даёт чувствовать себя во всём и уже в ноябре, когда солнце покажется последний раз и скроется за горку до 9-го января: с 2-х часов дня начинается вечер. На улице делается совершенно темно, и жители зажигают свечи.

Скучно бывает «коротать» эти длинные, северные вечера и приходится как-нибудь проводить их поскорее, что бы «сон грядущий» дал возможность быстрее забыться.

Как-то раз в один из таких вечеров, когда на улице разыгрывалась и начинала бушевать северная пурга, мы сидели компанией в низенькой, но просторной комнатке у Санниковых и проводили время в обычных вечерних рассказах.

Мне, как новичку на севере, каждый из собеседников старался рассказать что-нибудь из местной жизни и удивить меня странными и интересными явлениями природы, или наблюдательностью и ловкостью местных инородцев-тунгусов.

На улице пурга всё усиливалась, невольно настраивала на «свой лад», и мы перешли к рассказам о проводниках-тунгусах.

Ребёнок-чукча, кочующий с родителями-оленеводами.

— «Вот, вы, Н. Е., говорите, что в такую пургу, когда вы боитесь пройти от нашего дома до своей квартиры — обратился ко мне один из собеседников, Борисов, — по тундре едва ли возможно удачно проехать и не заблудиться?! Всё это зависит от проводников.

Плохой проводник и в такую, как сейчас, пургу заблудится, а с хорошим проводником и при более сильной всегда выедите куда-нибудь к жителям или к поварне. Знаете вы проводника тунгуса

«Драного»?

— Как же, как же! Я с этим проводником осенью до Омолоя ехал, — ответил я, вспомнив весёлого и щеголеватого Драного и его умного, белого передовика-ниугута¹.

— Так вот, расскажу я вам, как мы с ним блудили.

Это было в декабре. Дни были самые короткие. Я и Драный, мой проводник, переехали перевал Эбэтэм (в отрогах Верхоянского хребта) и благополучно добрались до поварни Тас-тумса. Было уже поздно, а луна не показывалась, а также и северное сияние. Мы решили переночевать. Привязав к шее каждого оленя по огромному ченкаю-полену и отпустив их на волю, мы поужинали и легли спать.

Назавтра проснулись рано и стали собираться в дорогу. Моросил небольшой снежок, и из-за гор к поварне прорывался ветер.

А большая пурга будет, тойон! — Сказал мне Драный, — Не дойдём мы к вечеру до Дагорына.

Мне совсем не хотелось дневать в поварне и я говорю Драному:

— Ничего, дагор, успеем, тут всего каких-нибудь пять миль², да и олени у пас хорошие, доедем.

Снарядив оленей, мы поехали.

А от Тас-тумсы, вы ведь знаете, начинается уже настоящая тундра и место это считается самым опасным в пургу.

Море здесь подходит близко и беда, если в пургу собьёшься и попадёшь на море. Там спасенья не жди во время ветра: уедешь куда-нибудь в даль моря и блуждай, сколько хочешь.

Когда мы выехали из-за горы в тундру, нам стало ясно, что ветер и в самом деле разыгрывается не на шутку, здесь он был много сильнее, и временами его порывы были настолько сильны, что двигали в стороны мои олох-сани.

Прав был Драный.

Я стал наблюдать за силой ветра и с минуты на минуту ждал настоящей тундровой пурги, когда о поездке куда-нибудь вглубь её придется призадуматься.

А Драный сидел себе спокойно на своём олохе и мурлыкал песенку,

¹ Ниугут — передовой возжевой олень.

² В якутской миле 10 вёрст.

весело помахивая на передовика оленя таяхом¹.

Хороший олень у Драного: выйдет где-нибудь на бугорок, поведёт мордочкой в ту и другую сторону и бежит уверенно вперёд, как по дороге.

Через час нашего пути ветер до того окреп, что не было возможности смотреть на что либо против ветра и кругом всё стало заволакиваться как бы туманом. Порывы ветра были так сильны, что олени порой останавливались и не хотели бежать дальше, но удар таяхом заставлял их двигаться.

Я старался держаться Драного и всё время подгонял оленей.

Наконец, ветер стал ещё сильнее, и я с трудом мог разглядеть спину проводника, и только по милости оленей не отставал от него и ехал по его следам.

Кругом всё заволокло. Ветер рвал, свистел на все лады и нёс с собою массу тундрового снега. Нельзя было совершенно ничего разглядеть на расстоянии даже сажени, и мы ехали без каких-либо признаков дороги и неведомо куда.

Я старался определить место, где мы и по какому направлению едем, и при всём желании не мог ориентироваться.

Дранный же сидел по-прежнему невозмутимо на своём олохе и продолжал напевать песенку. Это меня подбодряло, хотя я не мог себе представить, как это так Дранный спокойно едет без дороги и чем он руководствуется, выбирая направление.

Но вот он соскочил с олоха и остановил оленей.

Привязав оленей поводком к олоху, он обошёл его с той и другой стороны, потыкал таяхом снег, и подойдя ко мне, сказал:

— Тойон, дороги нет! Ветер сбил нас, мы заблудились.

— Ну так что-ж, говорю ему, давай остановимся (по-местному «ляжем»), а то ещё попадём к морю.

Но Дранный говорит мне, что стоять хуже и надо ещё ехать. Я не протестовал и мы поехали.

Ничего не видя перед собою и не имея, как мне казалось, положительно никаких указаний на дорогу, в каком-то сплошном тумане, мы ещё несколько часов продолжали ехать.

¹ Таях-длинная палка для управления оленями.

Судя по времени, мы давно уже должны быть в поварне; ясно, что мы заблудились.

Это меня не на шутку беспокоило, так как я знал, что многие в такую пургу делались достоянием тундры; в то же время я старался успокоить себя и тем, что, наоборот, немало народу блуждали и по 9 дней, но потом всё-таки выезжали к жителям или к поварне.

Долго мы ехали не зная куда, но вот Дранный опять соскочил со своего олоха и повёл оленей в поводу. Я последовал его примеру и пошёл с ним рядом. Временами он пробивал снег таяхом, нагибался к земле и что-то пробовал на язык.

— «Ну, как, Дранный?» спрашивал я.

— «Плохо, тойон! Место, кажется, незнакомое.»

Часа два шли мы пешком и несмотря на наблюдательность моего провожатого, не было никаких указаний на дорогу.

Ветер по-прежнему застилал и заволакивал путь, и мы не видели даже своих олохов.

По-моему продолжать ехать при таких условиях было безрассудно, но веря в Драного, как в хорошего проводника, я никак не решался сказать ему это. Он же всё время держался то одного, то другого курса направления и изредка рылся в снегу. Вдруг он остановился, пробил снег, нагнулся и через несколько минут сказал мне: — Ну, садись, поедem! Теперь поварня близко. Скоро чай пить будем!

Я сел на олох и мы поехали.

Теперь Дранный, направляя оленей таяхом, ехал среди стонущей и ревущей пурги, как по торной дорожке...

Часа через полтора мы остановились.

— «Ну, вот и поварня! — крикнул Дранный.

Около нас, едва заметно, виднелось какое-то чёрное пятно... Это была дверь в поварню...

Скоро затрещал огонь в камельке и сбылось обещание Драного...

Назавтра ветер несколько не уменьшил своей силы и мы «пролежали» в Дагорыне пять суток.

Вот с таким проводником и ехать не страшно и заблудиться труднее.

Полечился

Давно болеет якут Салоптэхай чахоткой.

Ещё когда ему было лет двадцать пять, а теперь тридцать пять, он простудился па рыбалке, пролежал не выходя из юрты месяца два и с тех пор кашель стал постоянным спутником его жизни. Живя в лесу, около Жиганска, он, конечно, и не думал о каком-нибудь лечении и если и приходилось ему искать средств и способов избавиться от удушливого кашля, то он всегда останавливался на шамане и освободившись от рыбалки осенью, шаманил.

Правда, как-то раз зимою в Жиганске давал ему бывший священник Романов жёлтых порошков от кашля, но Салоптэхай, выпив их штук пять, улучшения не почувствовал и порошки бросил в камелёк. С тех пор он никогда не обращался к Романову и предпочитал если и не обращаться к шаману, то пить оленьё сало и ягель. Но кашель из года в год делался всё сильнее и сильнее, и заставлял Салоптэхая всё чаще и чаще задумываться над состоянием своего здоровья.

Однажды летом он приехал в Жиганск. В это время в Жиганске стоял пароход «Лена» и Салоптэхай от знакомого купца узнал, что на пароходе есть русский «дохтур», который лечит разные болезни лучше шамана... Хотя и не верил Салоптэхай в силу и знание русского «дохтура», но удушливый кашель, приступом своим напомнил ему о печальном состоянии его здоровья, и Салоптэхай решил побывать на пароходе у «дохтура» и полечиться...

Русский доктор совсем был не похож по виду на якутского шамана, и когда Салоптэхай через переводчика рассказал ему о своей болезни, то он зачем-то долго слушал грудь Салоптэхая, стучал по ней пальцами и подойдя после этого к висевшему на стене ящичку, достал оттуда пузырёк с жидкостью и подал его Салоптэхая.

— Вот, пей это лекарство утром, днём и вечером по 5 капель каждый раз, и ты будешь здоров. — Объяснил доктор, подавая флакончик и покачив головой, что-то стал говорить переводчику.

Салоптэхай запрятал флакончик подальше в этербяс, поблагодарил доктора и с надеждою на силу нового для него средства русских,

вышел на берег.

Вечером он уже был дома и когда стал ложиться спать, отсчитал пять капель «русского средства» в чашку с водою и выпил.

Но завтра он не почувствовал никакого улучшения и целый день по-прежнему кашлял.

— «Куцаган ем! (плохое лекарство!), — подумал Салоптэхай, да впрочем что может быть хорошего от каких-то пяти капель. Если бы сразу принять всё, так верно, было бы лучше! Да оно так и должно быть. Пять капель!!! Что я, ребёнок какойнибудь!!! Чудак русский «дохтур»! — И Салоптэхай, обсудив этот несложный, по его мнению, вопрос, решил полечиться «русским средством» по-своему.

Он налил в чашку воды, влил туда всё содержимое небольшого пузырька и залпом выпил...

Через полчаса Салоптэхай с пеной у рта, с судорогами по всему телу, катался по полу юрты и выкрикивал какие-то несвязные слова. Губы и язык его были совершенно белые и по юрте разносился какой-то незнакомый для якутов, неприятный и удушливый запаха русского средства...

На завтра соседи устраивали Салоптэхаю на ближайшем к юрте холмике арангас¹.

Горе Корнишки

Тунгус Корнишка жил со своей молодой женой в ста верстах от Устьянска в тундре и занимался, как и все тунгусы, всю зиму промыслом песка, настораживая по тундре пасти-ловушки и изредка бросая стрихнинные пометы на лисицу.

Он первый год как женился па второй жене Евдеи и теперь, вот уже 9-й месяц, как не стрижёт волос на голове. А не стрижёт он их вот почему.

Как только его жена Евдей почувствовала начало беременности и сказала об этом ему, Корнишке, он, по примеру своих сородичей-тунгусов, последний раз дал ей ножницы и велел подстричь ему коротко волосы.

¹ Арангас – долблённый гроб, поставленный над землёю на 4 стойки.

С тех пор Евдей не дотрагивалась ножницами до его волос, и Корнишка с длинными, чёрными, как смоль, волосами был похож на шамана.

Но Корнишка и хорошо знал, что скоро жена его разрешится и не пройдёт после того недели, как волосы рукою Евдеи же будут подстрижены, и все в улусе будут знать, что у него кто-то родился...

И от всей души ему хотелось, чтобы у него родился обязательно сын...

Часто Корнишка разъезжая по тундре и собирая из пастей попавших в ловушку песцов, сидя на своём олохе, под тишину тундры, мечтал, как у него родится сын, вырастет большой и будет вместе с ним ездить по пастям собирать песцов.

Однажды днём, когда он сидел дома и исправлял лямки для своих оленей, а Евдсй, сидя на ороне, шила мужу этербьясь, она позвала Корнишку к себе и сказала:

— Корнишка, что-то сильно болит спина и режет живот! Однако скоро будет... Съезди за старухой Ариной.

Быстро Корнишка стал собираться в дорогу; наскоро надел свой этербьясь, накинул на себя лёгкий пыжиковый дундук и выбежал на улицу запрягать оленей.

Скоро олени, пасшиеся невдалеке, были умело-ловкою рукою пойманы, запряжены и он поехал за старухой бабкой Ариной, жившей в верстах шестидесяти от юрты Корнишки....

Всю дорогу и туда, и обратно, торопился Корнишка, и всё время подгонял оленей таяхом. боясь опоздать к моменту родов... Он и боялся за исход родов и в то же время радовался приближению давно ожидаемого...

Когда, часов через пять, Корнишка с бабкой приехал домой и вошёл в юрту, то Евдсй уже лежала на ороне и металась от сильных болей то в одну, то в другую сторону. Она, судя по её лицу, переносила сильные боли, волновалась, кричала на всю юрту, звала к себе на помощь то Корнишку, то бабку, и в беспамятстве рвала временами на себе одежду и волосы...

Якутки в домашних праздничных костюмах.

Роды уже начались, и Корнишка привёз бабуку как раз вовремя.

Не торопясь, подошла бабука к орону Евдеи, пощупала живот и помогла ей спуститься с орона на пол, предварительно подостлав кожу оленя. Боли в животе становились всё сильнее и сильнее, и вскоре заменились схватками... Тогда бабука велела Евдеи встать па колени...

Крики наполняли юрту и порой от них у Корнишки проходил мороз по коже, сжималось сердце и из глаз текли ручьями слёзы.

Долго мучилась Евдей, и долго бабука с босыми ногами сидела на корточках перед нею, но наконец, и бабуке надоело дожидаться роды и она решилась применить всё своё знание и ловкость акушерства. Она придвинулась ближе к роженице и стала изо всей силы давить её живот то руками, то коленками...

Но и этого оказалось недостаточно. Роды нисколько не подвигались, и надо было применить самые радикальные меры.

Бабука подозвала к себе Корнишку и велела ему при вязать один конец полотенца ремнём к столбу орона и, обведя полотенце вокруг живота Евдеи, приказала ему тянуть полотенце за другой его конец, и

что есть силы стягивать живот Евдей.

Послушно исполнял Корнишка приказания бабки. Немало времени он тянул за конец полотенца и всеми силами ми стягивал живот своей жены, но и у него истощились силы, и от усталости он изнеможенный опустился па орон...

Роды были трудные, и Евдей стала терять силы. На лбу её появился крупными каплями пот, и крики её делались всё слабее и слабее.

Часов двадцать мучилась бедная Евдей и только на другой день въ полдень разрѣшилась мертвымъ мальчикомъ...

Весь день Корнишка сидѣлъ па оронѣ и не отрывалъ глазъ отъ трупика ребенка.

Къ вечеру Евдей стала бредить, говорила какія-то безсвязныя слова и все время порывалась встать съ пола. Она то дрожала, то дѣлалась горячая, какъ угли камелька,

Корнишка все время сидѣлъ около жены на полу и совершенно забылъ про своихъ оленей, пасти и старуху-бабку.

Онъ то подавалъ женѣ пить, то смазывалъ ей животъ масломъ и такъ проводилъ около своей Евдей круглыя сутки, изрѣдка утомленный и голодный засыпая, или, вѣрнѣе, забываясь отъ дѣйствительности...

На третій день, когда по мѣстному обычаю у тунгусовъ, роженица должна встать съ пола и перейти па оронъ и когда Корнишка, очнувшись отъ полусна, взглянулъ въ лицо своей Евдей, то оно было блѣдное, съ закрытыми глазами и безъ признаковъ жизни. Онъ пощупалъ руку, опа была уже холодна...

Понялъ Корнишка, что всѣ его мечты были лишь мечтамъ и теперь свършилось то, чему нѣтъ возврата.

Не было Евдей... И не будетъ у него сына...

Поднялся Корнишка съ пола, перекрестился, сѣлъ на оронъ и горько заплакалъ.

До заутрени

Вот уже два месяца с лишним, как Магчирыш без усталости разъезжает по тундре и осматривает свои пасти-ловушки на песца.

Много у него по тундре насторожено под песца пастей, но и много с ними работы у Магчирыша. Каждый месяц приходится и в пургу, и метель хот один раз объехать все пасти, собрать попавшихся песцов и насторожить ловушку вновь, а часто и исправить её или сделать заново, доставив для этой цели издалека, с берегов какой-нибудь реки, а иногда и за несколько десятков вёрст, достаточное количество толстых, сажени в две длиною, бревёшек...

Магчирыш — постоянный житель тундры и изыскивает себе средства к жизни ловлей песцов, да летней рыбной ловлей. Его семья из жены и двух дочерей занята домашней работой, а когда Магчирыш возвращается с пастей, то и жена и дочери помогают ему снимать шкурки зверя и выделывать их домашними средствами для сбыта Устьянским купцам.

И вот теперь, Магчирыш торопится объехать последние пасти и, приготовив дома шкурки для продажи, увести всю свою добычу в Устьянск. Скоро Егорьев день, скоро будет большой праздник Пасха, и Магчирышу нужно обязательно побывать в Устьянске на Пасхе, и захватить там своего тойона, чтобы до отъезда купца в Булун продать свою добычу и запастись нужными и необходимыми припасами на весну, лето и осень, когда купец вновь приедет в Устьянск и привезёт новые товары.

Но вот пасти осмотрены... Обработаны шкурки... У него в двух кожаных сумках лежит двадцать чистых 1-го сорта песцов, а если перевести на деньги, то у него с лишком 250 рублей, необходимых для провизии и обновок.

Через три дня. он выедет обратно домой, так как к этому времени он успеет закупить товары, и у него вместо песцов на нарте будет и чай, и мука для болтушки, и табак, и ситец. Целых полгода будет Магчирыш и его семья с чаем, табаком и мукою. То-то будет хорошо и ни о чём ему не нужно будет беспокоиться! Всего будет достаточно, всего будет вдоволь...

Поздно вечером Магчирыш приехал в Устьянск и остановился у своего знакомого якута Басылая. Была страстная суббота и никто из обитателей юрты Басылая не ложился спать, а старался как-нибудь разогнать сонливость и просидеть, не уснувши, до заутрени.

Магчирыш хотя и устал с дороги, но не лёг спать, а напившись чаю подсел к группе квартирантов Басылая — якутов и присоединился к разговору... Якуты, перебивая друг друга, рассказывали про счастливых игроков в карты и о заманчивых выигрышах того или другого...

— А не сыграть ли нам «с подходом»? , — вдруг предложил один подгородный якут Максимка; чего мы будем так-то сидеть.. Чего доброго и уснуть можно! До заутрени часа два ещё осталось — надоест. Давайте сыграем!? — и, не ожидая ответа и согласия других, Максимка достал две колоды новых карт, вскрыл их и разложил на столе. Один за другим якуты, забыв и про Пасху, и торжественные «двенадцать» часов ночи, потянулись к картам... Скоро игра приняла свои обычные размеры и на столе лежали кучки кредиток. Магчирыш тоже знал, как играют «с подходом» и хотя в начале отказался было от участия, но посидев около играющих с полчаса, не выдержал, обменял одного песца на десять рублей, и присоединился к картёжникам.

Игра принимала всё бóльшие и бóльшие размеры.

Было уже полчаса двенадцатого, но никто об этом не думал и все предались азарту. Не отставал от них и Магчирыш и уже несколько раз входил в чуланчик Басылая, где сложены были его песцы и, возвращаясь к столу, усиливал ставки... Его глаза горели лихорадочным огоньком и бегали неустанно по кучкам кредиток...

— Ну, ещё один раз сдавайте, да и будет.! Надо кончать, скоро благовест к заутрени. — Подошёл к играющим не участвовавший в игре Басылай и подойдя к Магчирышу спросил, его:

— «Ну как, дагор, идёт?..»

Но Магчирыш был занят игрой и, не отвечая на вопрос Басылая, объявил свою ставку, равную оставшимся у него шести песцам и открыл карты...

— Бом, бом, бом!!! — загудело на улице, и все стали креститься. Перекрестился и Магчирыш; и когда после этого посмотрел на карты противника-игрока, то карты последнего были сильнее карт Магчирыша.

Егорчан Шаман

— Улахан огонь! Улахан огонь! — восклицали тунгусы, обитатели тундры, собравшиеся побеседовать по случаю приезда мелкого торговца, в юрте тунгуса оленевода Жантора.

— Да, — продолжал рассказывать якут Чеканча, третий год ездивший торговать па север с небольшим ассортиментом товара, но зато с большим запасом спирта и карт. — Большой стал шаман Егорчан! Все в Устьянске, даже русские, говорят, что никогда не встречали такого сильного шамана и старики не помнят в своей жизни никого подобного. Даже Русско-Устинские мещане, и те удивляются. Все злые духи перед Егорчаном, говорят, преклоняются, делаются бессильными, а ветер и пурга от одного слова его утихают и в тундре наступает тишина и спокойствие: птицы падают мёртвыми от взгляда Егорчана и звери невольно покоряются его влиянию и становятся доступными для человека. Беда тому кто не угодит Егорчану или рассердят его!

— Оксе, улахан, да улахан! — удивляются слушатели, и жуть по телу каждого пробегает, как электрические волны.

И откуда, думают тунгусы, появилась такая сила у Егорчана и как это он мог так быстро и неожиданно для всех сородичей сделаться шаманом.

Да таким ещё шаманом, что сильнее всех Омолойских и Индпгирских!

И строя различные догадки о даровании свыше Егорчапу такой необыкновенной силы, проверяя всю его родословную, начиная с прапрадедушки, слушатели Чеканчи пожимали только в недоумении плечами и восклицали своё: «Оксе! Оксе!»

Рассказ об Егорчане был для них самой интересной и животрепещущей новостью, как о чём-то чудесном и неразгаданном и поэтому когда торговец стал сообщать им другие затундренные новости они слушали без внимания и не стеснялись прерывать его вопросами о сильном шамане и справляться о подробностях..

Якутки в дорожных праздничных костюмах

Назавтра эта новость была отвезена на оленях в другую юрту, из неё в третью и вскоре стала достоянием всей Прианской тундры и её обитателей.

Всем стало известно, что Егорчан сделался шаманом, причём шаманом сильным, выдающимся...

А Егорчан просто сделался шаманом, и все в Устьянске знают как это было.

Случилось это раннею осенью, когда в Устьянске ещё не было ни одного «атыгыта»¹, и тундра была непроходима для них.

Всё лето Егорчан страдал болью в желудке и пролежал на ороне не выходя из юрты. Чего он только не перепробовал от своей болезни, но всё напрасно и он решил, что видно смерть пришла за ним с того света и не сегодня завтра его не будет в живых. И все жители в Устьянске к этому привыкли и были уверены, что болезнь их «сахалы»² неизлечима, и Егорчан погибнет. Но вот осенью случилось выздоровление...

Как-то раз Егорчан после нескольких бессонных и мучительных от

¹ Атыгыт – купец.

² Сахалы – здесь: якут, земляк.

болей ночей задремал и увидел сон.

Снится ему, что он лежит среди тундры на холме и мучается болью. Вдруг видит он, что к нему подошёл старый-престарый тунгус, в неизвестном ему, Егорчану, одеянии, и подойдя поближе, стал говорить.

— Злой дух посетил тебя, Егорчан, и покори́л тебя! Он мучает тебя и ты переносишь боли злого духа, но не бойся, ты победишь его: возьми набери морошки и ешь её, когда ты почувствуешь улучшение, то знай, что тогда ты станешь великим шаманом и все шаманы будут слабее тебя, а злой дух покорится тебе...

Проснулся Егорчан и твёрдо решил исполнить приказание старца. Набрал он морошки и стал лечиться...

И чувствует Егорчан, как с каждым днём боли его делаются всё тише и тише, и у него появляются какие-то силы, но какие — он сам понять не может. Кажется ему, что если бы он сказал больному: «Встань, ты поправился!» — больной бы стал здоровым; посмотрел бы Егорчан на дикого зверя и тот остановился бы. Махнул бы рукою ветру — и затих бы он...

И понял тогда Егорчан, что силы его — силы шамана, а выздоровление его — победа злого духа...

И не стал Егорчан доказывать её другим — пробовать свои силы, а уверился он в них, и объявил себя тогда шаманом. И все поверили ему, поверили его силе.

Тангара таба

(дикий олень)

Максим Николаевич Болтунов, а так его звали все проезжие купцы, и чиновники, и частные лица и жители Устьянского улуса, был один из богатых северных якутов-оленеводов. Он жил зимою по среднему течению р. Омолоя, в тундре, а летом с оленями и со всеми своими чадами и домочадцами кочевал к Ледовитому морю! Там было не так жарко для оленей, было много свежего мха, да и оберегать-пасти оленей было куда удобнее, чем на открытой широкой тундре

Загонит бывало Максим Николаевич стадо на небольшой

полуостров или мысок, поставит своё стойбище из четырёх или пяти тордохов-урас в самом узком месте полуострова, и караулит оленей. А им и убежать некуда: с трёх сторон вода не пускает, а в четвёртой стороне раскинулись тордохи и заперли выход с полуострова, как цепью.

Много оленей было у Максима Николаевича, так много, что и считать надоест. Сгонят, бывало, зимой всех оленей где-нибудь в тундре, под горкой, соберут их в кучку, так даже и глазам не верится.

Олени ли то пасутся, или роща леса вдали чернеется. Так их много было!

Но и не жаден был Болтунов в своём богатстве. Попросит ли у него приезжий купец оленей, заменить уставших, или бедняк сосед нуждается, Максим Николаевич всегда, бывало, выручит и даст своих оленей!

И знали все по округу его доброту и отзывчивое сердце.

— Вот скоро доедем до Максима Николаевича, говорили проезжающие на уставших оленях, у него и переменим оленей. Он старик хороший, добрый, никогда не откажет, выручит!

И правда, Максим Николаевич, иногда даром, а иногда за бутылку спирта, в котором он как и все инородцы, души не чаял, или менял оленей худых на своих сытых и бодрых, или же давал пару-другую доехать до Устьянска.

И все так любили его, что имя его было у всех на устах именем почётным и уважаемым.

Однажды, когда Максим Николаевич, пролетовав с оленями на берегу моря, по осени перекочевал на своё зимнее стойбище в тундру по Омолою и пустил оленей под наблюдением опытных пастухов-тунгусов пастись верстах в десяти от своей юрты, его постигло большое несчастье.

Такое несчастье, которое каждый и тунгус, и чукча -оленовод со страхом всегда ожидают, а предотвратить ничем не могут. Так они и называют это несчастье: Божья кара...

В эту осень, как передавали восточные якуты, с островов пришло много диких оленей и стада их в несколько тысяч голов, передвигались по тундре в поисках хорошего корма, как волны моря,

захватывая на пути своём всех домашних оленей и разрушая богатство оленеводов

— Так много говорят, идёт их с востока, что на несколько миль стада их растягиваются и покрывают собою тундру! — Рассказывал вечером за чаем Максиму Николаевичу приезжий к нему гость-якут.

— У Марфы дикие олени увели почти всё стадо домашних оленей и только десятка два на другой день отстали по дороге. Совсем Марфа теперь обеднела, даже самой не на чём выехать.

С тяжёлою думою легли спать в юрте Максима Николаевича, а больше всего сам он. Всю ночь Максим Николаевич проворочался на ороне не засыпая, а равно утром к юрте прискакал пастух Николай и, едва открыв дверь, закричал:

— Тангара таба колля! Тангара таба колля! Все наши олени с дикими оленями ушли. Беда, тойон, сотни две только осталось, да и то самые тощие и худые.

В ужасе Максим Николаевич вскочил с орона и стал рвать на себе волосы.

— Боже мой, Боже мой! — причитал он, — за что же ты мне такое наказание послал!!! Всех оленей, всё моё богатство у меня отнял, бедняком меня оставил! Разве не я всегда выручал своими оленями проезжих купцов. Разве не я сколько раз давал сытых и быстрых оленей губернатору, архиерею, заседателю и экспедициям под оказии... Не давал разве я моим сородичам в нужную и трудную минуту на убой оленей... А теперь... Бедняком меня сделал!!!

Други мои, сыновья и работники, спешите скорее в погоню :а оленями! Может быть ещё половину и отделите. Повскакали все работники и сыновья Максима Николаевича и даже чаю не испив и не закусив оленьего мяса, помчалась в погоню за оленями...

Дня три гонялись все тунгусы и работники Максима Николаевича по тундре за стадом диких оленей, да только распугивая их, ещё дальше угоняли и своих оленей. С печальною вестью возвратились они в юрту.

И остался Максим Николаевич без оленей, а с ними и без богатства.

Операция

(Из жизни тунгусов)

Пара красивых и быстрых оленей тунгусского князя Николая, рано утром мчали меня со скоростью 25 вёрст в час. Я был приглашён к больному родственнику Николая, и поэтому были выбраны самые наилучшие олени и ямщик-тунгус торопился доставить меня как возможно скорее. Раза два на раскатах я вылетал из нарты, но потому ли что по дороге не было ни одной лесины и я падал на ровную поверхность тундры, не ощущая при падении никакой боли и не получая ушибов, я был рад такому путешествию и бешеной езде на оленях. (До этого я ни разу не ездил на оленях так быстро.) Часа через два мы уже подъезжали к юрте князя, сделав таким образом, не менее, как считают жители, пятидесяти вёрст.

У больного оказалась гангрена большого пальца руки, и он лежал в беспомощности на ороне. Несколько дней тому назад, сдирая шкурку с песка, он нечаянно поранил костью палец: пробовали лечить домашними средствами, приглашали шамана, но палец с каждым днём распухал всё больше и больше и вот теперь почернел.

Осталась одна надежда — пригласить русского фельдшера, и если от его советов и лекарств не будет пользы к вечеру, то больного окружающие обрекли на смерть: «Улахан ыальлар»! (сильно болеет).

Осмотрев больного, я сказал князю Николаю:

— Нужно обязательно отрезать этот палец, и тогда останется больной живым, а откладывать операцию дальше нельзя, — вся рука почернеет и тогда беда будет.

— Кабысь, кабысь догорум!!! (Оставь, оставь приятель.) — В ужасе закричал князь, а за ним и все остальные. — Никак нельзя резать, ты лучше нам лекарство какое-нибудь дай.

— Да не помогут тут никакие лекарства; запущенная болезнь, резать нужно. Ну, не хотите сейчас, через два-три дня придётся отрезать всю кисть руки. Подумайте лучше, да и согласитесь.

— Нет, нет, нет! — закричали все тунгусы разом и на лицах у них появилось неудовольствие.

Я не стал больше настаивать на операции, видя такое отношение к

ней, дал лекарства для компрессов и попросил поскорее отвести меня обратно...

Обратно меня везли на тощих и низкорослых оленях, и только через 4 часа я был дома.

Через неделю проездом заезжаю я в юрту Николая.

Больной по-прежнему лежал па ороне. Вся рука его перевязана и опутана разными тряпками, шкурками и т. п.

— Ну, что, как ваш больной? — спрашиваю у хозяина.

— Да ничего, отрезали...

— Как отрезали?!

— Наш шаман топором отрубил. Так за один удар и отпал, а кровь остановили гнилушками!..

Человек с Солурдаха¹

(Легенда)

Давно это было. Ещё когда ни одна нога человека с берега не была на Солурдахе, и ни одного пуда мамонтовой кости не было вывезено оттуда промышленниками; как-то раз Егор Мостах, всё время, из года в год промышлявший мамонтовую кость на Большой и Малой Коврижке², осенью возвратился с острова с небольшим промыслом кости и, опечаленный, решил отправиться весною пораньше, на новый дальний остров Солурдах.

Там, по его словам, должно быть так много клыков мамонта, что за одно лето можно будет добыть их столько, что вырученной суммы, даже по 20 руб. за пуд, хватит ему года на два, на три. Но так как, никто из якутов и тунгусов ещё на дальнем острове не бывал, и ехать туда придётся по льду Ледовитого океана, то все родственники и товарищи Мостаха видели в этой поездке опасное и рискованное предприятие и стали Егора усиленно отговаривать. Да и много слухов и разных страшных рассказов ходило по северу про дальний остров.

— И чего только надумал Егор! — Говорили ему родственники. —

¹ Солурдах — остров Котельный.

² Большая и Малая Коврижка — Большой и Малый Ляховские острова.

На погибель ты ехать хочешь! Мало тебе что ли кости на Коврижке, да и на Святом Мысу. Брось ты эту затею! Попадёшь в руки какому-нибудь чукчанну! Разве не слыхал, что старые люди про Солурдах рассказывают?

Но Егор Мостах упрям был, как дикий олень, не стал слушать близких его, а когда солнце весною стало показываться над тундрой на целых полдня, начал готовиться в опасную дорогу... Выбрав самых лучших оленей, снарядив покрепче нарты, он нагрузил нарту мхом для оленей, положил себе в дорожную суму три кирпича чаю, полпуда муки для болтушки, десять фунтов масла, немного сухарей, несколько фунтов табаку листового и выехал на остров. На третий день Егор, проехав Коврижку, направил оленей к северо-востоку и поехал по льду океана, предчувствуя направление.

Погода стояла хорошая, и по гладкому льду олени быстро мчали Егора в неведомые дали. На пятый день он был уже так далеко в море, что не только камни Святого Мыса терялись в облаках, но даже и самая высокая гора на Коврижке — Кигилях, не показывала ему своей верхушки, и глаз Мостаха мог видеть только одно необозримое пространство, покрытое ярким серебряным снежным покровом. На шестые сутки поднялся с востока ветер, и понеслись облака снега. Ехать было невозможно, олени падали под напором ветра, и Егор решил переждать непогоду. Закрутив ниугу (повод) покрепче к нарте и подтянув к своей нарте оленей, Егор стал терпеливо выжидать.

Ветер был так силен, что нарта с Егором и привязанными к ней оленями не могла держаться на одном месте и силою ветра двигалась по льду. Временами Егору казалось, что он переносится ветром за несколько миль, но куда и в какую сторону, ему было неизвестно... Только на вторые сутки стал ветер стихать, и небо начало проясняться.

Когда успокоился ветер, и небо настолько прояснилось, что можно было продолжать поездку, Егор накормил оленей и стал искать направления. На горизонте ему показалась небольшая точка, а присмотревшись к ней, Мостах разглядел в тумане какой-то остров.

Рад был Егор Мостах открытию и стал подгонять оленей.

Едва к вечеру он доехал до острова. Здесь на берегу, он

переночевал и наутро с ранним солнцем двинулся дальше. Когда он утром поехал по острову, то в нескольких милях от берега, на одной из небольших горок, увидел юрту, построенную из хорошего плавникового леса. Обрадовался Егор неожиданной для него на острове квартире, привязал оленей и вошёл в юрту.

В юрте на переднем ороне, на подостланной шкуре белого медведя, сидела старуха. Она была одета в одежду из пыжика — молодых оленьих шкур, и на голове у неё была шапка из отборных песцовых лап.

Увидя живого человека, Егор Мостах хотя сразу и растерялся, но, придя в себя, снял шапку, поклонился и поздоровался со старухой:

— Здравствуй, Омяксин!¹

— Здравствуй-здравствуй, приятель! — ответила ему старуха. — Сказывай, зачем же ты в далекие чужие страны прибыть изволил? Ходить ли тебе дома стало тесно, или земля под тобой проваливалась?! Здесь у нас ещё никогда не было гостей тебе подобных — непрошенных. Али жизнь тебе приятель, так рано надоела! Сказывай, сказывай мне всё по порядку, быть может на старости лет своих и полезна тебе буду!

И Егор стал рассказывать старухе, как и почему он попал непрошеным гостем на остров. Когда он рассказал ей до конца своего путешествия, старуха, внимательно слушая его рассказ, встала с орона и, подойдя к суме из моржовой кожи, достала из неё три вяленых рыбы и, подавая их Егору, сказала:

— Вот, на тебе, приятель, покушай. Нехорошо гостей не насытивши отпускать из дома: да только послушай меня, старую дуру, не оставайся ты долго у меня в гостях, а поскорее, подобру, да здорову, выезжай с острова туда, откуда ты к нам приехал. Скоро придёт с охоты домой мой хозяин — великан человек, так он не любит гостей непрошенных. И тебе не несдобровать. Положит он твою головушку на пригорочке, и не увидишь ты родных своих никогда вовеки. Покушай, да и в путь-дороженьку. Молод ты, жалко мне тебя, поживи ещё немного. — И старуха, попрощавшись с Мостахом, указала ему направление куда ехать. Послушался Егор Мостах

¹ Омяксин — здесь: бабушка.

добрую старуху, не погнался за великим промыслом на острове, сел скорее на нарту и погнал оленей к юго-востоку.

Не успел он проехать и полмили, как услышал грозный крик человека с берега, а затем и тяжёлый топот бегущего по льду за нартою. Страшно стало Мостаху, торопится он подгонять своих оленей, а оглянуться назад боится, как бы от страха не застыть на месте.

Быстро мчались олени Егора по льду, но и быстро настигал их топот бегущего... Но вот вдали показалась верхушка горы Кисилых на острове Коврижки. Забилось радостно сердце Егора, погоняет таяхом всё чаще и чаще своих оленей, а топот всё ближе и ближе настигает его нарту. Вот-вот догонит бегущий её! Жуть пробегает по коже Егора, а до берега Коврижки ещё с милю осталось.

— У-у-у!!! — раздался крик почти под самым ухом Мостаха, и кто-то схватил нарту сзади так сильно за копыл, что копыл выскочил, и нарта с силою откатилась в сторону, а на лёд сзади Егора кто-то грузно упал, да так, что лёд затрещал. Выскочили олени на берег острова, и тут только Егор оглянулся. И видит он: на льду, с протянутыми вперёд руками, лежит огромного роста человек в одежде из шкур белого медведя. Его рост был не менее 5 сажень, а руки без малого сажень. Длинные волосы разметались по льду, а вокруг головы его была лужа крови.

Обрадовался Егор Мостах счастливому исходу своего путешествия, а больше того смерти великана и погнал он своих оленей скорее к Святому Мысу...

В этот год Егор промыслять на остров уже не ездил, а прожил всё лето с оленями на тундре...

Промышленники же, бывшие летом на Коврижке, потом рассказывали, что они раза два ранней весной, видели плавающую по морю льдину, посреди которой лежал труп огромного человека, вытянувшегося во весь рост и с протянутыми руками...

Туземец-зверолов

По дороге

Длинною вереницею тянулось стадо оленей к Ледовитому океану по берегу реки Омоя, впадающей в морскую губу Бор-хая.

Это были олени Омояского тунгуса Максима и перегонялись они с зимнего стойбища в среднем течении Омоя к летним стойбищам на берег океана, чтобы за короткое, но богатое сочным и вкусным мхом северное лето, подкрепить силы, усилить бодрость и выносливость оленей и наполнить хотя-бы тонким слоем жира отощалые за зиму бока и бёдра.

Был один из хороших июльских летних дней севера. Тундра освободилась от снежного покрывала и солнце, раскидывая по ней свои золотистые лучи, весело играло по зеркальной поверхности Омоя и озёр, изукрашивших голую тундру своими разнообразными, порой причудливыми береговыми узорами. Подбодрённые весенним отдыхом и сочным мхом по дороге, олени весело и бойко

перебирались с кочки на кочку, ближе к морю, изредка горделиво подымая свои красивые головки, украшенные молодыми побегами весенних рогов и полной грудью вдыхая свежий и влажный морской воздух, горделиво поводили мордочкой то в одну, то в другую сторону, как бы отыскивая на горизонте знакомые места.

В самом хвосте оленьего стада, на красивом, с большими ветвистыми рогами, ниугуте, ехал хозяин оленей, а за ним так же верхом, только на оленях более истощённых, с поджарыми и подведёнными боками, ехали члены семьи Максима и замыкали караван работники и рабочие его. Последние шли пешком, и некоторые из них несли на себе длинные жерди, основы для юрты-урасы. Потому ли, что хозяин хотел использовать ясный и тёплый день, или потому, что недалеко оставалось до места летнего стойбища, караван в этот день совершил переход от последней стоянки больше обычного, и по лицу всех пеших рабочих и работниц, было видно, что они сильно устали и были бы очень рады, если бы хозяин сейчас приказал остановиться и велел бы разбить урасу. Но хозяин медлил и, не обращая внимание на усталость своих рабочих, продолжал погонять ниугута...

В числе пеших была и работница-ламутка Олка. Она девять месяцев тому назад вышла замуж за пастуха-работника Егорку и теперь, беременная на последних днях, также, как и другие, продолжала с ними путь и лишь чаще других женщин приостанавливалась по дороге и растирала уставшие и судорожно-затвердевшие свои икры. Егорка тоже останавливался и иногда помогал Олке массировать ноги, но лишь только завидя убегающего в сторону от каравана молодого оленя-чалама¹, вынужденно, своим невольным положением, оставлял Олку и бежал с такой же бодростью, как и олень, за чаламом и загонял его обратно в стадо. Олка, почувствовав облегчение, спешила догнать товарок...

Чем дальние подвигался караван и чем солнце всё ниже и ниже ползло по горизонту, тем всё чаще и чаще Олка отставала от товарок и больше проводила времени за массированием ног. Вскоре к усталости ног и болей в икрах присоединились боли в пояснице,

¹ Чалам – необъезженный олень.

какая-то неловкость и чувство давления внизу в животе, и Олка чувствовала, как она с каждым разом делалась слабее и беспомощнее в дороге...

— Ой-ё-ка! — Пронеслось по тундре, и караван невольно остановился. Олка с искажённым лицом с беспомощно опустившимися руками, лежала на земле и мучилась в родильных схватках...

Через полчаса по тундре разнёсся первый крик ребёнка. Старуха Матрёна достала из этербась две жильные нитки, перевязала ими пуповину и ловко перерезала её якутским ножом... Пожалел Олку теперь и хозяин, он велел посадить её на оленя, и когда всё было сделано, караван снова тронулся в путь...

Вечером, когда солнце ползло по северу горизонта, на последней стоянке перед стойбищем, Олка, лёжа на оленьей шкуре, хотя и утомлённая родами и дорогой, но счастливая и жизнерадостная, кормила грудью своего ребёнка...

Назавтра утром, как бы ничего и не было, она уже шла в рядах своих товаров за оленями; на спине в походной зыбке несла свою дорогую ношу — ребёнка, а Егорка бегал по-прежнему за чаламами и загонял их в стадо.

Ергиз и Анка

Ергиз — житель тундры, тунгус по происхождению. Но так как жизнь его сложилась не так как у других его сородичей, и у него не было ни семьи, ни оленей, ни одной пасти под песца, то он по роду своего занятия, был и не оленевод, и не зверопромысленник, а скорее рыболов-балыксыт. Целое лето он кочевал по берегам озёр и речек, и обильная озёрами и маленькими речками тундра Устьянского улуса давала ему возможность существовать в продолжении года. Нельзя сказать, что бы Ергиз существовал безбедно, но так или иначе, у него постоянно находилась рыбная пища удовлетворить голод, а с прошлого года, когда он имел возможность приобрести в долг лишний невод, рыбный промысел его стал поддерживать и материально. Продавая купцам зимнего

чира и летнюю кондёвку, Ергиз получал и деньги, и чай, и табак, и немного муки. А нынче он даже завёл себе и новую ситцевую рубаху, и сплёл, хотя и небольшой, сутужный¹ невод и две маленькие сети, для зимней ловли в озёрах чира.

Проводя все лето за своими неводами и промысля ими кондёвку, Ергиз при хорошем улове налавливал несколько десятков тысяч кондёвки, кормил частью тут же на берегу живших с ним своих ездовых собак, а всё остальное и самое большое количество, закапывал на берегу реки в неглубокую яму, строя над нею небольшой шалаш-колыму из ветвей и дёрна. Правда за лето кондёвка успевала настолько испортиться, что её удушливый, гнилой запах, далеко разносился по берегу, но Ергиз этим нисколько не смущался и употреблял её в пищу. Да и все другие соседи имели такую же тухлую рыбу и те же способы её хранения. Осенью, когда появлялись заморозки и рыба в яме замерзая, становилась твёрдой. Ергиз вынимал её из ямы, складывал часть её в кучи на пол колымы, а часть увозил к себе в юрту, питая рыбою и самого себя и своих ездовых собак. С приездом купцов, Ергиз продавал летний запас своего промысла из колымы и отправлялся рыбачить в озёрах сетями чира. Чир был самым наилучшим его материальным подсобником, так как и инородцами и вообще жителями Севера, употреблялся в торжественных случаях, в особенности у русских купцов, в пироги, и в так называемую строганину, которая почти всегда у северных жителей заменяет своего рода десерт, нарезанная в мёрзлом виде тоненькими ломтиками и употребляемая в пищу в сыром виде. Чира так много расходилось у Ергиза, что он не всегда успевал наловить его в озёрах для продажи и лишь изредка мог попробовать строганину сам. Но зато с каким он аппетитом брал оставшегося от наловленных на продажу одного чира, бережно подстилал на пол тряпицу, вынимал из-за голенища острый якутский нож и, обтерев пальцами свои губы и нос, торжественно нарезывал ломтиками строганину. Сначала он аккуратно срезал сочную жирную спинку чира, разрезал её на поперечные маленькие кусочки, складывал на дно тарелки, а затем не менее бережно,

¹ Сутужный невод – невод из лубяного волокна ивы (по-местному — сутуга). – прим. OCR.

ломтик за ломтиком, и бока рыбы. Боковыми ломтиками он как будто для какого-то гостя, аккуратно, как это водится среди инородцев, закрывал хребтики и радостный садился за стол «побаловаться» строганиной. В этом было его счастье. И он с таким аппетитом ел строганину, что лицо его сияло от удовольствия и наслаждения.

Да и было отчего появиться удовольствию.

Белые, сочные и жирные кусочки строганины приятно щекотали его вкусовые нервы, на время охлаждали язык, и нёбо, и быстро, как сахарные, таяли во рту. И Ергиз мог разобраться во вкусе строганины: он сначала съедал боковые ломтики, а хребтики, как самые жирные и более вкусные, съедал уже в конце своей трапезы, как будто устраивая себе второе сладкое блюдо, из одного и того же чира. И целый день он тогда ходил весёлый и радостный, довольный своим собственным угощением и той минутой рыбалки, когда в сеть его попался один лишний чир, его лакомое, желанное, но и дорогое для него, блюдо...

Было у него и ещё одно любимое и вкусное блюдо — юкола, но она занимала для своего приготовления очень много времени, как раз нужного летом для неводьбы, потому что для приготовления её нужно свежую рыбу разрезать на две половины, надрезать её узенькими полосками поперёк не перерезая кожицы, и развесив на солнце провялить; а так как нынешнее лето было короткое и дождливое, то он один своими собственными силами, не смог заготовить и остался па всю зиму без юколы. Хотя юколу он мог бы попробовать и у соседа, у которого Ергиз видел, как женщины всё лето вялили и заготавливали на Яне, но при одном только воспоминании о юколе па его лице появлялась печальная складка, и он начинал раздумывать над своим одиноким положением.

— А хорошо бы заготовить юколу. — подумает про себя Ергиз. — Да где же её заготавливать — одинокому?! Дело это женское, а у меня нет ни жены, ни матери. Жениться бы вот, тогда можно и юколу заготовить. Да кто только за меня пойдёт? Оленей у меня нет, собак всего-навсего восемь штук, пасти ни одной. Даже калым заплатить нечем. Видно не судьба мне жениться! Вот скоро 33 года исполнится,

а я до сего времени не могу предложить какой-нибудь девушке выйти за меня замуж. Да что тут говорить о девушке, когда и вдова-то ни одна не пойдёт за меня! И Ергиз, придя к печальному выводу своих размышлений, успокаивался опять на долгое время, и продолжал заниматься своей рыбной ловлей. Так однообразно проходили у него дни за днями, и он порой так свыкался за работою со своим одиночеством, что забывал и про юколу, и про женитьбу, и про лучшее своё будущее, которое иногда улыбалось только во сне и рисовало ему свои прелести в виде жены и юколы...

Как-то зимою Ергиз наловил так много чиров, что целых дня два ел строганину сам и на третий день собрался в Устьянск продавать наловленное. С раннего утра он стал заготавливать и поправлять свою нарту, нагрузил её рыбою, перевязал аккуратно чумом¹ и, накормив собак, выехал из дома.

Часов через пять его собаки втаскивали воз с рыбою на гору улицы в Устьянске, а минут через десять после этого он подъезжал к дому своего постоянного покупателя Мамонтова и привязывал своих собак к столбу...

Вечером Ергиз с другими приезжими якутами-покупателями товара у Мамонтова, сидел в кухне и пил чай. Против него сидела молодая якутская девушка Анка, прислуга Мамонтовых, и разливала якутам чай. Ей было лет двадцать на вид, высокая и стройная в сарафане, с надетым поверх фартуком с рукавами, она имела красивую, стройную фигуру и заставляла невольно останавливать взгляды якутов на себе. Слегка широкое лицо, едва приподнятый меж скулами, широкий нос, красные, чувственные её губы, чёрные как смоль глаза, брови и волосы дополняли картину её красоты, и девушка среди других женщин-якуток, бывших в юрте, резко выделялась между ними и приковывала внимание мужчин. Ергиз невольно и неожиданно для себя так заинтересовался девушкой, что всё время не отводил от неё своих глаз и, чтобы растянуть дольше счастливые минуты созерцания прекрасного, медленно выпивая стакан за стаканом, пил десятый стакан, а когда все напились чаю и вышли из-за стола, Ергиз сел на орон за стойку в тёмный угол юрты

¹ Чум – здесь: вид большого мешка.

и оттуда наблюдал за лицом и за стройной фигурой девушки. Она казалась ему такой прекрасной, что у него не находилось никого в памяти для сравнения ей подобных. Ни одна девушка, которых он видел на рыболовных песках, не могла затмить красоту Анки. Любуясь Анкой, Ергиз невольно переносился в свою одинокую юрту, в её убогую холостую обстановку, своё неприветливое одиночество на тундре, где ближний житель от него находился в пятидесяти верстах, и не сводя своих глаз с девушки мечтал:

— Вот она какая красивая, высокая, да стройная! Если бы взять, да высватать её?. Как хорошо бы стало в юрте и летом, и зимою. Она бы летом вместе с ним ездила рыбачить, помогала бы ему днём забрасывать и вынимать невод, а вечером вместе с ней он приготавливал бы юколу и заготавливал бы её на зиму. Зимою она помогала бы ему ставить в озёрах сети и ловить чира... Ах. как хорошо было бы!.. А калым?.. — И Ергиз, вспомнив о калыме, склонил печально голову и долго, долго смотрел в одну точку на полу юрты.

— А если я возьму, да поговорю с ней; может быть, она согласится, и калыма не нужно будет? — Подумал Ергиз и, решив переговорить с девушкой, вышел на улицу.

Около дверей, в сенях, он стал её караулить. Его сердце так усиленно билось в ожидании девушки, и ум его так был занят ею, что по биению своего сердца он считал секунды ожидания и с каждой секундой, с каждым ударом своего сердца, делался всё нетерпеливее. Первый раз появилось такое чувство у Ергиза. Первый раз в своей жизни он ожидал свидания с девушкой. Каждый стук внутри юрты, каждый скрип двери, заставлял его прислушиваться, и взор его направлялся к двери, в темноту, что бы там различить долгожданную фигуру девушки. Вот заскрипела дверь... Отворилась... Бьётся сердце Ергиза, всматривается он в темноту... Кто-то вышел...

— Да, это она. — Ергиз узнал по фигуре девушку и, когда она проходила мимо, слегка дотронулся до её плеча и сказал:

— Анка, постой! Мне поговорить с тобой надо.

— Зачем говорить? Что надо? — Нетерпеливо ответила Анка, но не пошла дальше, остановилась.

— Да я... я... хотел сказать тебе... какая ты красивая... хорошая... —

неуверенно стал говорить Ергиз.

— Ну, так что ж, что хорошая?! Есть ещё лучше меня. А ты что тут стоишь, кого ожидаешь? Не меня ли ты столько времени ждал, чтобы только сказать, что я хорошая, так из-за этого и мёрзнуть тебе не стоило бы. Сказал бы лучше за чаем.

— Нет, Анка, я не по этому тебя ожидал и не из-за этого мёрзнул... Анка... Ты хорошая!.. Красивая!.. Пойдёшь за меня замуж?.. Я совсем один живу... Сам-то один... Юрта-то одна... Оленей нет... Пастей нет... Кругом юрты чистая тундра. Другой тунгус от меня далеко... Самый ближний пятьдесят вёрст... Только рыба есть у меня... Летом рыбачить будем... Юколу вялить... Скучно одному... Ты хорошая... Красивая... Руки твои большие. Работать будем много... Хорошо будет... Анка, ты хорошая... Красивая... пойдёшь за меня?..

— Брось, парень, ты это нарочно говоришь?..

Смутилась Анка и, подойдя по ближе к Ергизу, прислонилась к стене.

— Ну да ладно, если правду ты говоришь, да работать любишь, то я, пожалуй, и пойду за тебя замуж. Ты славный парень, все про тебя говорят, что ты работающий! А мне всё равно, когда-нибудь надо выходить... Только погоди, как же мы с мамой сделаемся? Калым пожалуй запросит, ведь она меня маленькую взяла на воспитание. — И Анка придвинулась к Ергизу и положила на его плечо свою руку.

— Нет, Анка, калыма у меня нет. Работать будем... Попросим мамку. Работой, рыбой калым уплатим.

— Я ей скажу завтра. Пусть калым берёт, к тебе пойду! Понравился ты мне. Простой ты! Хороший ты! Если калым большой будет просить — так уйду... Ведь я не дочка, а воспитанница её... Калым не за что брать. Сама работала. В чёрном теле жила. Рыбу ей ловила. Пол мыла. Хлеб стряпала... Всё делала, всю чёрную работу исполняла. Вот тебе и калым платила... А к тебе пойду. Ты хороший, простой ты...

Переменился Ергиз после слов Анки, обрадовался; чувствует, как около него стоит что-то близкое, хорошее и милое для него. Придвинулся он ближе к Анке, обхватил её стройную фигуру, прижался он к её груди, а сам нюхает её волосы, уши, лицо. Прижалась и Анка к нему и чувствует бодрое, горячее его дыхание...

На другой день после свидания с Ергизом, Анка, когда пошла со своей хозяйкой-мамой в амбар за продуктами, выбрала удобную минуту и сказала ей:

— Мама, вчера за меня посватался Ергиз-балыксыт. Он, говорят, хороший и рабочий парень. Я хочу за него выйти замуж... Благослови меня и отдай за Ергиза.

Удивилась старуха словам Анки, не ожидала она этого, да и замуж не думала так скоро её выдавать.

— Как же ты мне вперёд ничего не сказала, не спросивши моего совета начала переговаривать с Ергизом, даже, как видимо, дала ему «слово»?! — Закричала на неё старуха, стуча палкою об пол:

— Смотри, девка, не заводи разные у меня тут шашни! Не наводи на мою голову позора и не выводя меня из терпения! А то плохо тебе и Ергизу будет!

— Да как же я бы сказала раньше, если я и сама-то не знала до вчерашнего вечера! — Оправдывалась Анка. — Только вечером он мне сказал-то, и сделал предложение.

— Ну-ну, запирайся ещё больше! Ах ты, дрянь паршивая! Я тебя маленькую из грязи тунгусской вытащила, взяла к себе, вырастила тебя, уму-разуму, да к хозяйству приучила, одевала, поила, да кормила тебя, а ты ещё без моего спроса замуж выходить собираешься.

Как не терпелива была Анка, но слова старухи на неё подействовали сначала удручающе, но потом, спустя немного она оправилась и, припомнив всю свою жизнь на воспитании, не вытерпела и стала старухе высказывать всё, что накопилось у ней на душе за несколько лет.

— Нет, не запираюсь я, мама, и ругать меня не за что! Никаких я шашень не завожу и не заводила, а если и дала слово Ергизу, то пора мне и на самом деле приискать себе хорошего мужа и выходить замуж. Будет уже мне находиться на воспитании, да на чужих людей работать, пора и о себе позаботиться.»

— Пора и о себе позаботиться?! — Горячилась старуха, стуча палкою. — А разве я о тебе мало заботилась, неблагодарная?!

— Заботились и вы, мама: я и сейчас ещё помню, как ваша палка не

раз ходила по моей голове и как утюг, брошенный вами как-то, чуть не разбил мой череп. Уж если не хотите меня выдать за Ергиза, то я молчать не буду. Всю правду хоть один раз в жизни выскажу. Раньше я терпела, да говорить вам боялась, а теперь научили меня добрые люди приезжие. Вы говорите, что меня воспитали, да из тунгусской грязи вытащили, а то и забыли, что за всё это я вам сотни раз уже выплатила своим трудом, да терпеливостью; не я ли с утра и до вечера всю чёрную работу делала, не я ли раньше всех встаю и позже всех в доме ложусь спать? Только и знаешь, что с утра и до вечера работай, устали не знай, а покушать и то не всегда удастся; а если и сядешь ваши объедки доедать, так и то не всегда сытым из-за стола вылезешь — не успеешь сесть, как уже кричите: «Анка, принеси то-то, подай то-то, Анка, поди туда, Анка, поди сюда!» Да мало этого, чуть не на каждом шагу тумачами, да палками угощаете. А одежду какую вы мне всё время давали?.. Только сверху для людей ещё как-будто целое, а внизу-то одни тряпки со вшами болтаются, перемениться даже бывает не во что. а стирать нижнее бельё — того гляди развалится. Вы говорите, из тунгусской грязи вытащили меня. А того и не замечаете, что я хуже собаки живу. Даже спать-то мне приходится по-собачьи, свернувшись где-нибудь в углу у дверей, или, самое лучшее, свернувшись, как собачонка, около ног ваших. Нет, мама, напрасно вы меня ругаете, да попрекаете. Никогда я себе так говорить с вами не позволяла, да только один раз в жизни, сегодня высказалась. Душа не выдержала. Люди глаза мне открыли. Всё, что накопилось за все года, вот и высказала.

— Говори, говори, негодная! Совести в тебе нет, да только знай, что даром тебя я за Ергиза и ни за кого другого не выдам. Выходи если хочешь, держать, да просить тебя не буду; но только скажи вперёд своему Ергизу, чтобы он за тебя мне калым представил. Пусть он мне даст за тебя десять буров-олений, или двести целковых... Не даром же я тебя кормила, да выращивала! А если нет у него калыма, так пусть он у меня за калым два года в работниках служит. И старуха, злобно посмотрев на Анку, вышла из амбара и направилась в свою юрту. Весь день старуха пролежала в своей комнате на кровати и не показывалась никому в доме. Не ожидала она от Анки такой

храбрости, привыкла всегда видеть у себя порабощение, да покорность

— Это разные тут новые купцы, приказчики, да политики людей наших испортили! Уму-разуму их научили! Кто-то просил их?!. — Негодовала в своей комнате старуха, отыскивая причину перемены Анки. А Анка в тот же день рассказала обо всём Ергизу и передала ему весь разговор со старухой...

Прошло два года. Ергиз за это время распродал всю наловленную рыбу, женился на Анке и прослужил за калым два года в работниках у старухи.

Анка по-прежнему все два гола работала вместе с Ергизом и получила в приданное два ситцевых платья, торбаса, платок и старую на заячьем меху шубу. Теперь они переехали в юрту Ергиза в тундру и зажили своим хозяйством. Ергиз ловил рыбу и зимою и летом; Анка зимою оставалась по целым дням одна в юрте, справлялась по домашности, вязала сети, а летом вместе с Ергизом днями рыбачила, а вечерами нарезала рыбу для юколы и вывешивая её на палочках, вялила на солнце. Теперь у них всегда бывала своя юкола. Ергиз часто «баловался» строганиной и лакомился за чаем юколой. Анка скоро привыкла к тундре, одиночеству, любила и уважала Ергиза, а он, в свою очередь, в свободное время садился рядом с нею и любовно обнюхивал её лицо и волосы. В своей Анке он души не чаял и, чувствуя себя в будущем вскоре отцом, не стриг по обычаю волос на своей голове...

Однажды, когда он уехал на дальние озёра, в верстах восьмидесяти от своей юрты, ловить чиров, в юрту Ергиза заехал по пути отдохнуть в дороге и покормит оленей верхоянский нарочный со своим проводником-якутом и попросил Анку попить их чаем. Анка поставила в камелёк чайник, подложила под него угольков и стала приготавливать к чаю стол и чашки. Когда чай вскипел, Анка бросила в чайник щепотку кирпичного чая, поставила на стол юколу, немного соли и налила гостям в чашки чай.

— Сказывай! Как живёшь, Анка? Где Ергиз твой, всё за чирами, да за кондёвками разъезжает, тебя одну среди тундры в юрте оставляет? — Стал расспрашивать знакомый ей проводник

нарочного.

— Что нам надо? — отвечала Анка. — Живём понемногу. Он рыбачит, а я по хозяйству справляюсь. Не велико хозяйство, да хватает па целый день работы; то дров наколоть надо, то льду, то сети помогаю вязать Ергизу, а там, смотришь, и он с озёр приедет — чай варю, оленину. Вот день и проходит незаметно. Сейчас тоже Ергиз рыбачит, а я вот вас угощаю.

— Ну, а не скучно тебе здесь, красавица? — щурясь, спросил её нарочный. — Чай, за целый год человек пять посторонних-то, живых людей увидите. Как медведи в берлоге в своей юрте живёте. Кругом ни души, к вам никто, и вы никуда не ездите. Житьё, подумаешь, удавиться — так и то в пору.

— Зачем удавиться! Работы у нас на обоих хватает. День за днём проходит, а больше нам ничего и не нужно. — Ответила Анка и отошла к своему правому орону.

Пока гости пили чай, Анка, сидя на своём ороне, издали внимательно рассматривала нарочного. Она видела его в первый раз. С узенькими полуякутскими глазами, нарочный был более всего похож на якута. Те же выдающиеся скулы и грубые на вид волосы его говорили, что он происходит из якутов. Только большой заострённый кверху нос его, с малиновым от пьянства кончиком, указывал и на русское происхождение. Лицо его было изрыто какими-то медно-красными пятнами и прыщами, которые Анка заметила у него и на руках, а на темени резко выделялась большая лоснящаяся плешина. Говорил нарочный сиплым, неприятным голосом и некоторые слова выговаривал через нос.

Анке сразу не понравился гость её, и в особенности она как-то неприятно слышала его хриплую речь и как-то инстинктивно старалась не отвечать нарочному на его вопросы и не поддерживать разговора. Когда нарочный с проводником напились чаю, Анка убрала со стола чашки, положила на полку остаток юколы и сама села за камелёк, стараясь не быть на глазах у нарочного. Она с нетерпением ждала когда он уедет и оставит её одну.

Но нарочный медлил уезжать и видя, что Анка не обращает на него никакого внимания, лёг на орон.

— Ты, брат, поезжай потихоньку, — сказал он ямщику, — а я догоню тебя живо. Вот только бумаги, да письма в сумке посортирую.

Проводник вышел на улицу, а через несколько минут слышно было, как он отъезжал от юрты. Нарочный медлил с отъездом и не доставал из сумки ни бумаг, ни писем. а продолжал находиться в прежнем положении на ороне.

Лёжа лицом к камельку, он почти не сводил глаз с угла, где сидела Анка и изредка как-то странно щурил свои узенькие глаза и ехидно улыбался в сторону Анки.

Анка видела по глазам нарочного и по выражению его лица, что он не спроста медлит уезжать из её юрты и не отводить глаз с неё. Она стала беспокоится и всё чаще и чаще посматривала на дверь юрты, ожидая с нетерпением и страхом, что вот она отворится и в юрту войдёт её Ергиз, с которым не будет так страшен и нарочный и его страшный нехороший взгляд и ехидная улыбка.

Но дверь по-прежнему была заперта, и на дворе не было слышно ни скрипа нарт, ни голоса подъезжающего Ергиза. ни радостного лая собак. Кругом всё было тихо. Тихо было на улице, тихо было и в юрте. И только глубокие, сиплые вздохи нарочного, да скрип досок орона на котором ворочался он, изредка нарушали тишину юрты и вызывали у Анки беспокойство и страх перед чем-то ей неизвестным, но заранее брезгливым и страшным... Долго нарочный лежал на ороне и долго не сводил глаз с Анки... Вдруг он поднялся с орона, вышел на улицу и, посмотрев вдаль тундры вокруг юрты, вошёл в юрту и сел к столу.

— А ну-ка красавица, дай мне ещё стаканчик чаю, и я поеду. — Сказал он как-то странно в нос.

Анка налила стакан чаю и боязливо поднесла его к столу...

Нарочный только и ожидал этого. Лишь только Анка подошла к столу, он быстро вскочил на ноги, схватил руку Анки, и обняв её за талию, стал своими толстыми и противными, покрытыми клейкой слюной губами, целовать Анку. Анка отбивалась, царапала ему лицо и руки, рвала волосы и кричала...

Но нарочный был сильнее её...

Через полчаса он, самодовольный, красный и потный отъезжал от

юрты Ергиза догонять своего ямщика, а Анка, растрёпанная, с раскинутыми руками лежала на полу в обмороке...

Когда приехал Ергиз, то Анка, печальная и надруганная нарочным, ничего не сказала Ергизу, а успокоившись, встретила его по-прежнему весёлая и радостная...

Спустя несколько месяцев у Анки на лбу около волос появились медно-красные пятна и прыщи; расчёсывая голову, она стала замечать, как падали её волосы, а когда пришло время родов и Анка после долгих и мучительных болей разрешилась мертворождённым ребёнком, покрытым по всему телу и голове язвами и грязно-серыми корками, она поняла, что посещение юрты казаком не осталось для неё бесследным...

Месяца через два Анка, покрытая язвами и струпьями по всему телу, умирала от истощения... В последние минуты, она подозвала к себе Ергиза, нежно погладила его волосы и стала рассказывать про печальный для неё случай... Не успела она и кончить свой рассказ, как силы её настолько ослабли, что она, едва поднявшись на ороне, положила свою голову на колени Ергиза и проговорив тихо и медленно: «Скоро и ты пойдёшь за мною и оставишь свою юколу...», тихо скончалась...

— Анка, Анка!!! — причитал Ергиз, оставшись опять одиноким в юрте...

* * *

Издание журнала «Ленские Волны» в Якутске. 1914 г.

OCR Андрей Дуглас